

БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ

Ө. РЪШЕТНИКОВЪ, А. ЛЕВИТОВЪ, ГЛ. УСПЕНСКІЙ
Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ И ПР.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

А. Скабичевскаго.

Цѣна 1 р. 50 к.

Того-же автора: «Графъ Л. Толстой, какъ художникъ и мыслитель». Цѣна 1 р



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Владимірова, Екатеринин. кан., № 78.

1888.



Slav 4120, G. 10



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Живая струя (вопросъ о народности въ литературѣ)	1
II. Чего нужно добиваться реальному поэту (о Рѣшетниковѣ) . .	45
III. Герои вѣчныхъ ожиданій (по поводу «Разоренія» Гл. Успенскаго). .	77
IV. Александръ Ивановичъ Левитовъ	125
V. Двѣ замѣтки по поводу наблюденій Гл. Успенскаго деревенской жизни	219
VI. Глѣбъ Успенскій, какъ разрушитель иллюзій	241
VII. Новый человѣкъ деревни	287

ЖИВАЯ СТРУЯ.

(Вопросъ о народности въ литературѣ).

I.

Когда старая система идей смѣняется новою, послѣдняя не сразу обыкновенно подводитъ подъ свои начала всѣ современныя явленія жизни. Люди накидываются прежде всего, конечно, на такіе вопросы, которые стоятъ на первомъ планѣ и болѣе всего привлекаютъ вниманіе. Второстепенные же вопросы остаются безъ вниманія, и относительно ихъ продолжаютъ придерживаться по привычкѣ старыхъ взглядовъ. Каждому, кто пережилъ сильную умственную ломку въ своей головѣ, навѣрное приходилось находить такіе пробѣлы и противорѣчія въ своемъ мышленіи, побѣдить которые можно было не иначе, какъ перерѣшивши вопросъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ другіе вопросы давно уже были рѣшены. Такіе же случаи встрѣчаются на каждомъ шагѣ и въ исторіи человѣчества. Подобный случай произошелъ и у насъ въ послѣднее дѣсятилѣтіе съ вопросомъ о народности въ литературѣ.

Вопросъ этотъ естественно возникъ вслѣдствіе того, что наше образованное общество отдѣлилось отъ народной массы и создало свои особенные нравы и обычаи, свой особенный языкъ подъ вліяніемъ западной цивилизаціи. Но слѣдуетъ замѣтить, что до Гоголя и Бѣлинскаго вопросъ о народности въ литературѣ не игралъ большой роли и не шелъ далѣе очистки языка отъ иностранныхъ вліяній, выбора сюжетамъ

произведеній крупныхъ явленій русской жизни и русской исторіи, да рѣдкихъ рабскихъ подражаній народнымъ пѣснямъ и сказкамъ.

Въ 40-е годы вопросъ о народности въ первый разъ былъ поставленъ на философскую почву. Въ это время въ оппозицію западникамъ возникла партія славянофиловъ, которая на своемъ знамени крупными литерами написала: народность. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что обѣ партіи, на основаніи одной и той же философской системы Гегеля, рѣшили вопросъ о народности діаметрально противоположно: славянофилы оперлись въ своемъ ученіи на то положеніе гегелевской философіи, что каждая историческая народность есть носительница своей идеи, которую она вкладываетъ въ сокровищницу развитія человѣчества; изъ этого они прямо вывели, что увлеченіе идеями и формами чуждыхъ народностей не только бесполезно, но и положительно вредно, что оно отвлекаетъ народъ отъ развитія той идеи, которую онъ обязанъ внести въ исторію человѣчества; поэтому, рѣшили славянофилы, мы должны всячески удалиться отъ усвоенія западной образованности, проникаться нашими собственными народными началами, которыя мы готовимся внести въ исторію. Западники въ рѣшеніи вопроса о народности оперлись на то положеніе гегелизма, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго, форма, въ которую вкладывается общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторією, природою; она дается намъ помимо нашего сознанія и какихъ-либо стремленій, такъ же какъ и личная наша физіономія; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности, напротивъ того, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, еслибы мы и хотѣли; примѣромъ этого можетъ служить французская литература XVIII вѣка, которая при всей своей подражательности образцамъ классической литературы, все-таки оставалась народною въ томъ смыслѣ, что выводимые ею на сцену герои болѣе были похожи на французовъ версальской атмосферы, чѣмъ на героев древности. Стремиться къ народности, говорили западники, это значить стремиться къ формѣ, не заботясь о содержаніи ея; напротивъ того, главное наше стремленіе должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержаніе; въ концѣ же концовъ, отрѣшаясь все болѣе и бо-

лѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человечество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержаніе.

Въ силу этихъ идей, при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеній, славянофилы имѣли главную задачу рѣшать, на сколько произведеніе проникнуто началами, сродными русскому духу; западники же рѣшили разъ навсегда, что каждое произведеніе, написанное русскимъ, такъ или иначе, непременно народно, непременно выражаетъ ту или другую сторону характера русской народности; главная же забота заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какія общечеловѣческія начала заключаетъ въ себѣ оно.

Философія Гегеля потеряла свое господство надъ русскими умами, въ концѣ 50-хъ годовъ. Она смѣнилась новыми системами, господствующими въ настоящее время подъ именемъ *реализма*. Подводя разные вопросы жизни подъ свои начала, реализмъ прежде всего позаботился перерѣшить вопросъ о цѣли и значеніи литературы въ жизни общества. Это было дѣломъ первой важности въ нашей жизни, обуславливаясь тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ нашей жизни литература. Но занявшись подведеніемъ подъ новыя условія вопроса о значеніи литературы вообще, мы сдѣлали огромный пробѣлъ, оставивши совершенно въ сторонѣ частный вопросъ о народности въ литературѣ. Вопросъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣшается самъ собою въ практической сферѣ; въ теоретической же онъ до сихъ поръ поживаетъ на старыхъ гегелианскихъ началахъ. Уже не говоря о славянофилахъ, наши самые ревностные послѣдователи реализма не замѣчаютъ; что, реалисты во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они продолжаютъ оставаться истыми гегелианцами по вопросу о народности. Когда они начнутъ толковать вамъ о томъ, что литература должна быть реальна, что, не ограничиваясь однимъ созерцаніемъ прекраснаго, она должна служить жизни, отвѣчая на всѣ ея животрепещущіе вопросы, попробуйте замѣтить при этомъ, что не мѣшаетъ также, чтобы она была и народною, я убѣжденъ, что при этомъ вы встрѣтите снисходительную улыбку и услышите совершенно тѣ же самыя слова и выраженія, которыя говорили о народности западники 40-хъ годовъ, опираясь въ своихъ до-

водахъ на гегелевской философіи, доказывавшей, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго.

Между тѣмъ, какъ, если вопросъ о народности въ литературѣ мы попробуемъ пересадить на почву реализма и утилитаризма, если мы рѣшимъ его на основаніи тѣхъ новыхъ идей, которыя получили господство у насъ въ послѣдніе годы, мы увидимъ, что это не только не излишній вопросъ, напротивъ того, первой важности, вопросъ о судьбѣ всей литературы; имъ обусловливаются какъ истинная реальность, такъ и полезность литературы.

Реализмъ, не строя никакихъ отвлеченныхъ системъ, не гадая о сущности явленій, изучаетъ ихъ, какъ они представляются нашимъ чувствамъ, восходя отъ частнаго къ общему, отъ случайныхъ и отдѣльныхъ, къ общимъ условіямъ, называемымъ мировыми законами. Съ этой точки зрѣнія народность представляется не индивидуализаціею общаго, какъ полагалъ гегелизмъ, а напротивъ того, обобщеніемъ индивидуальнаго. Поселите отдѣльные, разрозненные племена подъ общія условія жизни, и они сольются въ одну нераздѣльную народность, какъ слились бриты, англо-саксы и норманы въ англичанъ, а поляне, древляне, сѣверяне и проч.—въ русскихъ, а съ другой стороны—поставьте отдѣльные части общей народности въ различные условія жизни, и народность ваша рассыпется на отдѣльные народности, и послѣднія будутъ группироваться опять-таки по тѣмъ общимъ условіямъ жизни, подъ которыми будетъ жить каждая. Еслибы для каждого человѣка условія жизни были совершенно отличныя, не имѣющія ничего общаго съ условіями жизни другихъ людей, въ такомъ случаѣ, на земномъ шарѣ не было бы народностей, а была бы одна безконечная индивидуализація. Но кромѣ тѣхъ особенныхъ условій для каждого человѣка, которыя создаютъ его личную индивидуальность, люди живутъ подъ общими условіями, результатомъ которыхъ и является народность. По отношенію къ расѣ народность является, пожалуй, въ свою очередь индивидуальностью, но по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, она есть общность. Индивидуальная особенность, народность, раса — это три такія условія жизни, безъ которыхъ невозможно изучать человѣка, какъ невозможно изучать растенія и животныхъ, не опредѣляя рода и вида, къ которому они принадлежать.

Истинно реальная литература, имѣя дѣло съ изученіемъ жизни людей, конечно, только тогда и будетъ истинно реальной, когда она станетъ изучать жизнь не въ ея отвлеченныхъ сущностяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она проявляется. Поэзія, построенная на абстрактныхъ началахъ, совершенно пренебрегала этими условіями; она говорила: мнѣ все равно, русскаго, француза или нѣмца вывожу я на сцену; барина или крестьянина, разница между ними только формальная, сущность же человѣческая у всѣхъ у нихъ одна и та же; вотъ эту-то сущность я и имѣю въ виду. Реальный же поэтъ говоритъ: сущности человѣческой я не знаю, а я вижу человѣка не иначе, какъ подъ вліяніемъ разныхъ условій жизни, и я изучаю, какъ представляется человѣкъ подъ вліяніемъ этихъ условій. Поэтъ живетъ не иначе, какъ въ средѣ того или другаго общества, именуемаго народомъ. Онъ изучаетъ индивидуальныя особенности каждаго человѣка не для того, чтобы поглотиться въ массѣ индивидуализма, но чтобы это индивидуальное подвести подъ общее; первыми обобщеніями реального поэта являются, такъ называемые на языкѣ эстетики, образы, типы, сюжеты, болѣе или менѣе общіе; но развѣ можетъ истинно-реальный поэтъ остановиться на чемъ-нибудь? Развѣ есть конецъ тому процессу, который называется реальнымъ изученіемъ? Восходя все выше и выше въ своемъ изученіи, реальный поэтъ поневолѣ придетъ къ той общности, которая называется народностью. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями — вотъ истинная задача реального поэта. Но достигнуть всего этого, вѣдь это значитъ сдѣлаться поэтомъ народнымъ, въ самомъ широкомъ, истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, понятія о реализмѣ въ поэзіи и о народности совершенно совпадаютъ; разница между ними только та, что реализмъ въ литературѣ есть извѣстный путь, цѣль котораго — народность.

Далѣе, если мы поставимъ вопросъ о народности въ литературѣ на почву утилитаризма, онъ получить въ нашихъ глазахъ еще болѣе значеніе. Литература должна быть полезна — для кого? Очевидно, не для двухъ, не для тысячи человѣкъ, а для всего края, для всего народа, на языкѣ

котораго она существуетъ. Литература мечтаетъ о завидной цѣли быть воспитательницею общества, народа, развивать неразвитыхъ, образовывать необразованныхъ, подымать такіе вопросы жизни, которые долго не пошевелились бы еще въ мозгахъ большинства нашихъ соотечественниковъ безъ ея содѣйствія.

При этомъ я прошу читателя обратить вниманіе на завидную роль, которую можетъ и должна играть изящная литература въ этомъ дѣлѣ. Если мы прослѣдимъ наше собственное развитіе, мы увидимъ, что чѣмъ на низшей степени развитія стоитъ человѣкъ, тѣмъ большее значеніе въ развитіи его имѣетъ художественная литература. Въ жизни каждаго человѣка былъ такой періодъ, въ который чтеніе его состояло исключительно изъ произведеній художественной литературы; только на извѣстной, значительной уже степени развитія мы начинаемъ мало-по-малу приступать къ чтенію книгъ серьезнаго, научнаго содержанія. Большинство людей даже такъ называемаго образованнаго слоя общества ничего не разрѣзываетъ въ журналахъ, кромѣ романовъ, повѣстей, комедій и стихотвореній. Что же сказать о литературѣ, которая, мечтая развивать неразвитыхъ, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ такіе образы, и на такомъ языкѣ, что только нѣкоторые избранныки, стоящіе на очень высокой степени развитія, могутъ пользоваться ею.

Въ этомъ отношеніи литература, развивая людей развитыхъ, образуя людей образованныхъ, очень похожа на педагогическое заведеніе, которое дѣйствовало бы такимъ образомъ: учителя вмѣсто того, чтобы давать уроки ученикамъ, ограничивались бы тѣмъ, что собирались на педагогическіе совѣты, сообщали другъ другу, что они читаютъ, о чемъ думаютъ, давали бы другъ другу полезныя совѣты, читали другъ передъ другомъ блестящія пробныя лекціи; такіе учителя могли бы быть очень полезны другъ для друга; но смѣшны были бы они, еслибы при этомъ воображали, что они въ то же время полезны и для массы учениковъ, пребывающихъ безъ книгъ, безъ уроковъ, въ неподвижномъ невѣжествѣ подъ присмотромъ грозныхъ гувернеровъ, строгонаблюдающихъ за порядкомъ и благочиніемъ въ классахъ. Такое зрѣлище представляетъ литература наша, которая въ послѣднее время постоянно твердила и твердитъ, что глав-

ная ея цѣль—служеніе народу. Подобное положеніе представляется еще неестественнѣе и нелѣпнѣе, если подумать, что народъ прямымъ или косвеннымъ путемъ оплачиваетъ существованіе этой литературы, и въ замѣнъ тѣхъ капиталовъ страны, которые затрачиваются ежегодно на произведеніе и изданіе разныхъ эстетическихъ произведеній российской литературы, получаютъ книжки, которыя служатъ предметомъ празднаго развлеченія для немногихъ избранныхъ людей. Мнѣ могутъ сдѣлать здѣсь такое возраженіе, что капиталы тратятся не даромъ въ томъ смыслѣ, что раньше или позже народъ когда нибудь да разовьется до пониманія нашихъ изящныхъ произведеній, и тогда воспользуется тѣми продуктами, на произведеніе которыхъ тратятся теперь капиталы. Но, вопервыхъ, ручаетесь ли вы, что для народа будутъ годны всѣ тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Что такое паденіе школы, какъ не сознаніе ея заблужденія и не выходъ изъ этого заблужденія на свѣтъ? Неужели народъ долженъ будетъ воспринимать одни за другими всѣ наши старые грѣхи и промахи? Станетъ ли народъ читать, а если и станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительное въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.? Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненные въ архивной пыли библиотекъ? А восторыхъ, если-бы даже всѣ прошлыя произведенія нашей литературы были поучительны для народа, то какъ же разовьете вы его до пониманія ихъ, если не заговорите съ нимъ языкомъ, вполне понятнымъ и доступнымъ для него, если не снизойдете къ нему? Конечно, подобное снисхожденіе къ народу должно заключаться не въ видѣ уступокъ разнымъ его вѣковымъ предразсудкамъ, какъ это думаютъ поклонники народности стоглавой Москвы; передавайте народу всѣ ваши глубокія и высокія идеи, заимствованныя съ Запада, но облакайте ихъ въ такой языкъ и въ такіе образы, чтобы онѣ были для всѣхъ равно доступны и понятны. Важное преимущество самобытной народной поэзіи заключалось именно въ томъ, что, не стоя народу ни гроша, она была сокровищемъ, изъ котораго каждый могъ черпать

сколько ему угодно, и только тогда литература будет истинно полезна для всего края, для всего народа, когда она снова сдѣлается народною въ этомъ смыслѣ слова.

Но выставленіе подобныхъ требованій отъ литературы, какъ бы оно ни было законно и справедливо, всегда будетъ казаться воздушною мечтою, праздною, неосуществимою утопіею, въ виду современнаго состоянія литературы нашей, если не будетъ указанъ путь, идя по которому, литература могла бы выйти изъ настоящаго своего состоянія и сдѣлаться вполне народною. Вѣдь не могутъ же литераторы наши съ сегодняшняго же дня дать себѣ слово писать такъ, чтобы каждый мужикъ понималъ ихъ отъ строки до строки и интересовался ихъ произведеніями. Въ противномъ случаѣ, они должны будутъ, садясь писать, поступать такъ, какъ поступаютъ разные составители народныхъ книжекъ, то-есть напишутъ фразу и давай думать: «понятна или нѣтъ должна быть эта фраза для простолюдина?» Дикая неестественность такого способа поддѣлыванья подъ народность ярко выражается въ каждой строкѣ многихъ книжекъ, написанныхъ для народа, особенно въ изданіяхъ Погоссаго; не менѣе смѣшна такая народность въ рѣчахъ разныхъ провинціальныхъ либераловъ, которыя произносились нѣкогда на земскихъ обѣдахъ, дававшихся въ честь сліянія сословій. Очевидно, что не такую народностью должна подарить насъ литература. Истинно-народное произведеніе просто, естественно и произвольно выливается изъ-подъ пера писателя; народный писатель пишетъ свои произведенія такъ же, какъ и ненародный, то-есть нисколько не заботясь о томъ, чтобы произведеніе его вышло непременно народно: онъ не имѣетъ ничего инаго въ виду, какъ выразить свою мысль, чувство—и произведеніе его выходитъ народно безъ его вѣдома и желанія. Сдѣлаться народнымъ писателемъ—значить, вырабатывать свой языкъ, свои поэтическіе образы, мысли и чувства такимъ образомъ, чтобы писать народною рѣчью о предметахъ, интересующихъ всѣхъ и каждого, безъ всякихъ усилий и заботъ о популярности. Этого нельзя достигнуть никакимъ скачкомъ, никакою искусственною поддѣлкою. Это достижимо только естественнымъ путемъ. Настоящая статья могла бы, дѣйствительно, показаться праздною фантазіею, еслибы ограничилась выставленіемъ требованія, не опредѣ-

ливши того естественнаго пути, идя по которому, литература может удовлетворить этому требованію. Указаніе этого естественнаго пути и составляет главную цѣль моей статьи. И это тѣмъ удобнѣе возможно будетъ сдѣлать безъ всякихъ гадательныхъ и произвольныхъ приглашеній съ нашей стороны писателей идти направо или налѣво, что въ самой литературѣ начались уже инстинктивно, безъ всякихъ теоретическихъ указаній, попытки идти по этому пути. Попытки эти, въ рядѣ разныхъ заблужденій, опошлившихъ и изгадившихъ истинное стремленіе къ народности въ литературѣ, представляютъ отрадную, живую струю, которой готовится великая будущность. Вырвавшись въ 40-хъ годахъ на свѣтъ, струя эта не перестаетъ течь все шире и шире, все глубже и глубже, принимая въ себя разные притоки и готовясь обратиться въ широкую, многоводную рѣку. Дѣло наше будетъ состоять только въ томъ, чтобы опредѣлить направленіе этой струи въ настоящее время, и это направленіе само собою, безъ нашихъ усилій, укажетъ нашимъ писателямъ тотъ путь, который прямо и неуклонно можетъ повести ихъ къ народности.

II.

Славянофилы, сѣтуя на раздвоенность нашего общества, на отсутствіе всякой связи между искусственною поэзіею нашею и народною, причину такого явленія видятъ исключительно во вліяніи на насъ западной образованности и рабской подражательности съ нашей стороны формамъ ея. Въ сущности же существуетъ причина болѣе дѣйствительная и общая, вліяющая на всякое раздвоеніе народа — будетъ ли оно сопровождаться вліяніемъ чуждой цивилизаціи, или совершится домашнимъ образомъ. Мы просимъ при этомъ припомнить, что мы сказали въ первой главѣ объ образованіи народностей: каждый разъ, когда группа людей становится въ какія нибудь особенныя условія жизни, необходимымъ слѣдствіемъ этого является образованіе народности, владѣющей особеннымъ языкомъ и создающей свою особенную литературу. Этимъ обуславливается какъ появленіе нарѣчій, говоровъ, разновидностей одного народа, такъ и то раздвоеніе, какое совершается между массою и образованнымъ классомъ.

Если образованіе разлито равномѣрно по всему народу, и если народъ, во всей своей массѣ, увлечется подражаніемъ какой нибудь чуждой образованности, въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о ненародности такого движенія: народное движеніе и есть именно такое, въ которомъ участвуютъ массы народа. Если же, напротивъ того, изъ среды народа выдѣлится группа людей, поставить себя совершенно въ иныя условія жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живетъ большинство населенія края, замкнется въ этихъ условіяхъ и изолируется отъ всего прочаго міра, въ такомъ случаѣ, еслибы не было никакихъ чуждыхъ вліяній, группа эта всетаки создастъ свои особенные нравы, обычаи, языкъ и литературу. Если затѣмъ на сторонѣ этой группы будутъ матеріальныя богатства и умственный досугъ — однимъ словомъ, все, что способствуетъ быстрому развитію образованности, то естественно, что она далеко опередитъ въ своей образованности прочіе классы народонаселенія и создастъ культуру, въ которой ничего не будетъ общаго съ культурою массъ, оставленныхъ ею назади. Если до Петра Великаго наши привилегированные классы представляются вполнѣ сходными въ своей культурѣ съ народными массами, то это потому, что они не успѣли еще создать своей собственной культуры, въ то время какъ рядомъ существовала высокая цивилизація, вліянію которой они и подчинились. Но тотъ уже фактъ, что привилегированные классы подчинились вліянію западной цивилизаціи, а масса не подчинилась, показываетъ, что эти классы представляли уже нѣкоторую особенность сравнительно съ массами, большую умственную гибкость и воспримчивость. Классы эти стояли во время Петра на томъ пути, что не будь вліянія западной образованности, они раньше или позже по своему положенію создали бы свою особенную образованность и искусственную литературу въ отличіе отъ народной поэзіи массъ. Таково происхожденіе искусственной литературы у всѣхъ народовъ. Какъ только привилегированный классъ выдѣляется изъ массы народа и замыкается въ свой кругъ, онъ быстро создаетъ искусственную литературу въ отличіе отъ народной. Литература эта, игнорируя интересами массы, выражаетъ исключительно ту жизнь, которою живетъ этотъ классъ. Но послѣ быстраго процвѣтанія такая искусственная

литература столь же быстро падаетъ, потому что скоро исчерпываетъ свой матеріалъ; для поэтическаго творчества необходимы новыя впечатлѣнія, страстность которыхъ и возбуждаетъ его; а когда жизнь смыкается въ тѣсномъ кружкѣ въ неизмѣнныя формы, то поэтамъ только и остается, что вѣчно пѣть одну и ту же пѣсню, которая подъ конецъ всеѣмъ прѣдается и дѣлается рутинною пошлостью. Выходомъ изъ такого печальнаго состоянія литературы можетъ быть только какое-нибудь живое, народное движеніе, которое размыкаетъ заколдованный кружокъ образованныхъ классовъ, обращаетъ вниманіе ихъ на интересы массы, на ея нравы, обычаи, вѣрованія и поэзію; изъ самой массы начинаютъ выходить пѣвцы ея жизни и стремленій. Тогда въ литературѣ начинается обратное движеніе отъ искусственной поэзіи къ народной; въ область ея вторгаются новыя, живыя, свѣжіе элементы, характеризующіе собою движенія народныхъ массъ. Такія два противоположныя движенія литературы и зависимость ихъ отъ общественныхъ условій мы можемъ отлично прослѣдить въ исторіи европейскихъ литературъ въ средніе вѣка. У насъ существуетъ ложное понятіе, что будто въ средніе вѣка литература западно-европейскихъ народовъ стояла постоянно на народной почвѣ, что искусственная литература, прервавшая всякую связь съ народною, началась съ эпохи renaissance. Напротивъ того, мы видимъ, что если было когда либо въ средніе вѣка господство народной поэзіи, то въ началѣ только ихъ, во время движеній народныхъ массъ и завоеваній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Когда же народы успѣли устояться на своихъ мѣстахъ и повсюду сформировались привилегированныя, рыцарскія сословія, старинныя эпическія саги и поэмы дѣлаются достояніемъ простаго народа, да предметомъ монастырской учености, занимавшей собраніемъ и переписываніемъ ихъ. Въ привилегированныхъ же классахъ быстро создается особенная, искусственная литература, извѣстная подъ именемъ провансальской или романтической. Литература эта, воспѣвая подвиги и любовь королей и рыцарей, исключительно терлась при дворахъ и въ замкахъ. Самое названіе одного изъ главныхъ родовъ этой поэзіи «sirventes» (отъ слова servir—служить), то-есть служебныя пѣсни, показываетъ, какое значеніе имѣла эта поэзія и какую роль